

Мир окрадываемый

«Новый социалистический человек»

«Наша генеральная линия — это переделка человеческого материала, борьба за нового социалистического человека»¹, — писал перед 8 съездом РЛКСМ «Юный коммунист», руководящий орган комсомола. Вопрос о «переделке человеческого *материала* был основной темой всех речей и резолюций недавно состоявшегося 8 съезда комсомола. Компартия хотела и хочет монополизировать всю воспитательную работу, стремилась и стремится штамповать (как иначе выразиться, когда речь идет о переделке *материала*?) юношества по утвержденному образцу. Попытка коммунистической партии стать духовным вождем и воспитателем молодого поколения в целом не удалась. Обнаружились иные и мощные духовные силы, противодействующие замыслу коммунистического обезличения молодого поколения. С одной стороны, борьба — сама молодежь борется за свою свободу, за право не быть только материалом в руках комштамповщиков, с другой — за молодежь борются и все представители идеалистического, частнее, религиозного, мировоззрения. Вопрос о том, что творится с молодежью в России, каков ее духовный облик, какие духовные изменения и извращения вносит в детскую душу коммунистическое воспитание, должен стать для нас предметом особого, вдумчивого, ответственно-тревожного внимания. В одном из последних № (4) литературного журнала комсомола «Молодая гвардия» помещен буквально потрясающий рассказ «Валя Хабарова» — кусочек из жизни школьницы-пионерки. То, что испытываешь при чтении этого рассказа, нельзя назвать даже ужасом. Переживаешь просто уже какое-то онемение души, когда все человеческие слова бессильны достаточно точно передать возмущение, негодование, боль, скорбь, владеющие всем существом при соприкосновении с той трагедией обманутой, опустошенной, духовно-извращенной детской души, жуткую картину которой дает рассказ.

---

¹ Марианна Яхонтова. Валя Хабарова // Молодая гвардия, книга VI, апрель 1928.

К сожалению, нет возможности привести весь рассказ целиком. Ограничимся воспроизведением только отрывков, наиболее полно, законченно рисующих, — для нас, — потрясающую трагедию опустошенной детской души, для автора рассказа и для всех, кто с ним, — радостное утверждение нового «социалистического» человека.

Валя Хабарова — дочь врача, уже умершего. Она живет с матерью, работающей в качестве фельдшерицы на фабрике. Валя — активная пионерка, председательница школьного коллектива. Валя — натура глубокая, искренняя, жаждущая правды и добра; несомненно, религиозно-одаренная. Свою мать она, несмотря на известную внешнюю грубоватость, любит горячо и глубоко. К матери приехал какой-то неизвестный «великан-бородач», друг покойного отца Вали. Спиридонов — так зовут великана — с первого знакомства подшучивает над Валею, зовет ее «мухомором», посмеивается над ее увлечением пионерством, новой жизнью...

Между ними все время происходят диалоги вроде следующих: «Что, греховодница, на все готова?». — Конечно на все для советов, — ответила Валя задорно. «В Бога не веруешь, царя не признаешь, родителей не считаешь?». — «Бог — предрассудок масс, родители тоже». — «Чему сегодня учили вас?». — «Марксистскому подходу». — «К чему?». — «К курице». — «Что?». — «Марксистскому подходу к курице, — повторила Валя громче и подумала про себя — ты что? оглох, что ли? Гость начал беззвучно хохотать. Валя почувствовала себя окончательно оскорбленной. «Что же тут смешного? Теперь ко всему марксистский подход... — «Да вы бы лучше гуся взяли, у него хоть лапы красные». У Вали от негодования стянуло рот как от черемухи. Несмотря на постоянные препирательства, некоторую настороженность по отношению к Спиридонову, Вале он нравится своей простотой, бодростью, ясностью, поэтическим складом души. В конце концов, она привязалась к добродушному великану всей душой. Кто он, она не знает и может быть лучше было бы для нее, если бы никогда не

узнала, не сломилась бы детская душа окончательно, прошла бы хоть и обедненной, но цельной сквозь коммунистический соблазн и в конце концов может быть справилась бы с духовным маревом, нечистым туманом, заполнившим детскую душу. Но случилось иначе.

«Валя проснулась от толчка. Стекло близко голубело в темноте. Под дверью желтая полоска, щели в перегородке светятся, — значит мама еще не спит. Вот и голос ее: «Завтра вечером едете?». — «Еду, давно пора». — Скрипнул стул и шаги у окна, — значит перешел к дивану. «О многом мы с вами говорили, только не о вас», — добавил гость. — Говорить обо мне нечего: служу, работаю, устаю». — «И это все?». — Да, теперь все так. Мне бы только Валю на ноги поставить, а там». — «А там и домой?». — «Да, если есть дом. Я слишком много видела, чтобы верить». — И опять голос усталый, и верно руки лежат на коленях, и сквозь тонкую кожу синеют жилки. «А вы думаете, — начал было Спиридонов, и кончил верно не так, как хотел, — не знаю, нужны ли мы нашим детям». — Но Валя не поняла, что он хотел сказать. Как это мама не нужна, даже подумать странно. А мама встрепенулась. Валя услышала стук ложки о скатерть. «Валя любит меня, очень любит». — «Конечно, люблю, хотелось крикнуть Вале из-за перегородки». — И почему мама говорит так торопливо? — «Славная она у вас девчонка, — сказал гость. Что-то теплое прошло по Валиной груди. И она вдруг сразу почувствовала себя особенной и хорошей девочкой. Вытянулась и раскинула руки. «Хорошая и большая, — подумала с гордостью, — и он хороший, очень хороший». — «Положите обратно, не возьму. Знаю ваше советское жалование», — сказал Спиридонов, и снова послышались его шаги у окна.

— «Но ведь вам не хватит».

— «Хватит. Доберусь до границы — и к Чемберлену».

Валя насторожилась. Чемберлен в Англии? Зачем Спиридонов и в Англию? Вот остановился он, оперся на стол, рассмеялся тихо.

— «Как же вы мне деньги предлагаете? Сами верой и правдой большевикам служите и вдруг врагу советской власти помочь хотите. Там, в Соловках, наверное, и землю-то всю перерыли, меня искали. И так своим появлением втянул в игру невыгодную».

Валя похолодела. Даже в ушах зашумело, словно от воды. Беглый! Бежал из Соловков. Значит — белый. Сам признается, что враг. Может быть, даже убил кого-нибудь. Вот почему над всем смеется. Вот почему дразнит ее «мухомором».

И вдруг все завертелось и встало на другое место. Слова, казавшиеся шуткой, разрослись и почернели, а добрые съежились в комочки и заволоклись ложью. Так он всех обманывал, притворялся добрым, а сам, быть может, расстреливал коммунистов. Даже, наверное, расстреливал.

И мама молчит, даже деньги предлагает. А он на них поедет к Чемберлену. Тот выйдет со стеклом в глазу, подбородок острый и в глазах зрачки маленькие, как точки: «Ну, что там, в совдепии»? — «Да ничего хорошего, Чемберлен, — ответил Спиридонов. Все дети идут в пионеры, а большие — в селькоры. И если ты приедешь — повесят тебя, непременно повесят, даже не расстреляют». «Ах вот как, — скажет Чемберлен, — ну хорошо же» — и пошел на СССР 1000 дредноутов. И будут они со всех берегов стрелять. — Валя даже села на кровати. Положим, до Москвы не дострелять, далеко, но все-таки.

Комната плыла кругом. У шеи билась кровь. «Так нет же, я его сама застрелю. На куски разрежу». И Валя придумывать начала самые ужасные пытки для своего недавнего приятеля. Вот она возьмет наган и приставит ему ко лбу. Он побледнеет, упадет на колени: «Я больше не буду, тов. Хабарова». — «Я белогвардейцам – не товарищ», — скажет Валя и выстрелит. Валя даже улыбнулась, но тут же вспомнила, что нагана у нее нет. А что, если бы дверь подвала вдруг упала под ним и он провалился вниз? Можно было бы его захлопнуть там. Или бы завести в лес и бросить, чтобы он не нашел дороги.

Пионеры не должны жалеть врагов. Мама, вот не сочувствует белогвардейцам, а деньги ему предлагает. Почему? И Валя тут наткнулась опять на какую-то стену. Даже думать устала, в голове все путается.

Утренний ветер пролетел. Пахнул в окно. И Валины мысли встали в ряд, как красноармейцы. И вышла одна вперед и все стало ясно. Да, она спасет всех, недаром ее учили принимать мир новый.

* * *

— «Ну и девчонка. Вот так молодец», — сказал товарищ из ГПУ, выслушав Валу. Его взгляд медленно переходил с Валиного лица на крепкую пухлую фигурку. Удивленно собралась кожа на лбу, а углы губ чуть дрогнули улыбкой.

Валя чувствовала себя настолько переполненной важностью своего дела, что вот-вот она не выдержит и разлетится на куски, как бутылка, наполненная людом. У нее вздрагивали ноздри, когда она сказала поспешно:

— Он белый и враг, я потому и пришла.

— И должна была прийти. Слюни разводить нечего.

Блеснули стекла пенсне на худом лице. Товарищ часто снимал его, верно, болела красная полоска на переносице. Вале его движения казались такими медленными; в то время, как он должен был кричать, приказывать и торопиться, он стекла протирает. Валя переступала ногами и с нетерпением грызла кончик своего красного платка.

— Товарищи, Власова позовите, — наконец, сказал он.

— Здесь, товарищ начальник. — И рябой, скуластый т. Власов остановился у стола.

— Эсер Спиридонов, что бежал из Соловков, у нас с вами под носом. Мы, вот, не знаем, а эта женщина знает.

Валя покраснела, но с достоинством взглянула в лицо т. Власова: «Вот какая я сознательная», — сказала Валин взгляд из пушистых черных ресниц.

Она деловито прослушала приказания товарища в пенсне. И все так же вздрагивали ноздри Вали, когда она перебила его:

— Надо еще с огорода. Оттуда зайти. А то к реке убежать можно. А то еще у нас есть подвал и погреб.

Ее собеседники переглянулись и оба разом улыбнулись ей.

— Так вы уж пойдите с ним, тов. Хабарова. Там если надо будет что-нибудь... — и товарищ в пенсне низко поклонился над столом. Виден был только затылок, похожий на крокетный шар.

На прощание он крепко пожал руку Вале.

— Будь всегда такой и говори правду, как тебя учили. От жалости не кисни. Наше время не жалостливое.

— Всегда готова, — ответила Валя и подняла руку.

Товарищ в пенсне потрепал ее по плечу и сказал Власову:

— А ведь далеко пойдет. Наша с вами смена.

— Новой, как есть, продукции, — ответил Власов.

— Так мы еще увидимся, товарищ Хабарова. Чествовать будем вас.

Шагая по улице, Валя старалась делать шаги в такт с агентами и гордо поглядывала кругом.

Окна завешаны, верно, все еще спят. Валя остановилась. Ей не захотелось входить. Власов вошел, за ним остальные, только один встал у окна, в палисаднике. Сени наполнились гулом.

Хлопнула дверь, верно сорвалась с крючка: «Крючок плохой», — вспомнила Валя. Вот шум и безголосая возня. Как будто крик. Валя была уверена, что слышала его. Это мама. Все стихло. Так быстро, так просто. У Вали часто билось сердце, все чаще и чаще.

Наконец, снова шум в сенях. У Вали сердце забило тише.

Вышел Власов, за ним, между двумя агентами, Спиридонов с узлом в руках. Волосатые босые ноги цепко ступают по траве. Ветер вьет черную бороду, и на загорелой мужичьей шее белеет кожа из-под ворота. Валя

встала. Все вышло так, как она не ждала. Только смуглое лицо стало чуть бледнее — и больше ничего: так же свободна фигура широкоплечей обезьяны.

В дверях мама. Свисают на щеку седые пепельные пряди, у глаза что-то дрожит.

Но Валя не смотрит на маму. Спиридонов, проходя, останавливается:

— Это ты мухомор?

— Я, я должна, — говорит Валя и сама не узнает своего голоса.

Не злоба, не грусть, а какое-то раздумье вдруг прошло по лицу Спиридонова.

Валя чувствовала, что мать стоит рядом, но не могла повернуть головы.

Агенты и Спиридонов сворачивают на улицу, и Валя видит, как сгорбившись, цепко ступает высокий бородач.

Медленно двинулась за ними Хабарова. Валя рванулась за ней.

— Куда ты, мама?

Та, не отвечая, дошла до плетня. Схватила за него, соскользнули пальцы, и вдруг круто повернула назад.

Валя остановилась — так странно было мамино лицо. Нависли веки над глазами и крепко стиснулись синие губы. Она глядела на дочь и не видела ее.

— «Мама», — почти крикнула Валя, хватая мать за рукав.

Хабарова молча тряхнула рукой, губы ее дрогнули улыбкой. И от этой судорожной улыбки, едва шевельнувшей рот Валя похолодела, как будто незнакомое зеленое море заплескалось вокруг нее.

— Да скажи же мне, мамочка.

Ничего не понимая, испуганная молчанием матери, Валя бежала за ней, хватая ее за халат.

— Да мамочка же.

Только на крыльце обернулась Хабарова к дочери. Тонкими, вдруг сделавшимися острыми пальцами, хватала она Валины руки, отрывала от своего платья и бросала прочь. Валя растерянно сопротивлялась и жмурилась. Смутно понимала она, что теряет что-то и хотела удержать.

— Уйди, уйди, после... — едва открылись мамины губы.

— С минуту Валя стояла неподвижно. Холодный страх упал камнем на ее сердце и придавил, как мышонка. И чем дальше, тем тяжелее пустая тяжесть: навалилась она на плечи и щекочет горло птичьей лапкой. А кругом никого. Валя — точка черная в открытом поле.

С новым приливом страха Валя бросалась к двери и начала стучать кулаками и ногами, кидаясь всем телом на гладкие доски. Стучала и не могла остановиться, пока руки не онемели от ударов. Тогда стихла и прислушалась. Пусть, как будто никого нет и не было. Может быть в самом деле ушли, чтобы бросить ее одну?

Валя сошла с крыльца и, давясь сразу хлынувшими слезами, бросилась к лесу.

Спиридонов и товарищи из ГПУ мелькали, как далекие прохожие, и Вале не хотелось думать о них, нанесших ей какую-то обиду. И они отошли, как давно прошедшее, заслонило их чужое мамино лицо, снова в сотый раз повторявшей Вале: «Уйди, уйди». И Валя поняла, ясно поняла, что и она сама, Валя, стала другой. И снова холодный страх одиночества заволок ярким туманом Валин лоб.

По другую сторону полотна, из-за кудрявых кустов мелькает белая косынка.

Как подхваченная ветром, прыгая, почти пролетая через пни, побежала Валя к насыпи. Вот еще немного и она бросит на руки матери всю тяжесть недоумения и обиды.

— Ау, мамочка, ау, — крикнула Валя, карабкаясь к откосу.

Навстречу Вале переходило полотно, незнакомая женщина в белом платке.

Что всего непонятней — у чужой были мамины серые глаза и такие же серые ресницы.

Равнодушно скользнул взгляд по Валиному лицу, и женщина начала спускаться вниз, придерживая платье и осторожно ступая на кочки.

Казалось, это короткое Валино прошлое взглянуло на нее серыми мамиными глазами и отвернулось, проходя. Там она не нужна, там не забудут и не поймут. На лбу у Вали собрались морщины, и жестоко сжавшиеся губы заострили пухлое детское лицо раздумчивым упрямством взрослого. Долго стоял маленький темный силуэт с пухлыми ногами на высоком зеленом откосе. Железнодорожный путь уходил в обе стороны чугунными стрелами, и не было конца из однообразному лету. А за рекой, по-прежнему, грудились муравейники-палатки пионерского лагеря, красным змеиным языком извивался на шесте флаг. Валя тряхнула головой и медленно пошла к нему, оставив за собой горячие блестящие полосы рельс.

* * *

Наибольшая, почти нечеловеческая тоска и скорбь в том, что рассказ ведется в спокойных, даже радостно-бодрых тонах. Для писавшего, непосильный духовный гнет, смявший, опустошивший детскую душу, на всю жизнь искалечивший Валу, — желаемая корма, светлая радость рождения нового социалистического человека. Автор, как идеала, как предела «переделки человеческого материала», желал бы, чтобы все русские «мальчики и девочки» были похожи на Валу Хабарову, подражали бы ей. По замыслу автора, очевидно противопоставление прошлого, — «глянувшего на Валу серыми мамиными глазами и отвернувшегося, и «змеиного языка, развевающегося над пионерским лагерем, красного флага». Валя, медленно идущая по направлению к лагерю, по мысли автора, очевидно, говорит о полной окончательной победе в душе Вали нового над старым. Но символ оказался больше и глубже замысла автора. В своем сопоставлении «серых глаз матери, как образа прошлого» и «красного змеиного языка флага», как

знамени нового, он вскрывает подлинное значение и содержание борьбы около молодежи и за молодежь, которая ведется не только в России, но и во всем мире. Исцелить опаленные касанием красного змеиного языка молодые души, предохранить их от растлевающих соблазнов змеиного яда, могут только таинственные силы веры Христовой, благодатная помощь святой Церкви.

И. Лаговский

Париж